

Л. В. СОКОЛОВА

**КУДА «ШИБЛА СЛАВА» О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ?
(К вопросу о «списке городов»
в Пространной и Краткой редакциях «Задонщины»)**

*Моему учителю
Олегу Викторовичу Творогову
к 85-летию*

Спор о том, какая из двух редакций «Задонщины» первична — Пространная или Краткая, — приобрел особую остроту в связи с тем, что с ним увязывается другой вопрос: какой из двух памятников первичен — «Слово о полку Игореве» или «Задонщина». Пространная редакция в силу большего объема имеет больше общих чтений со «Словом». И в том случае, если Краткая редакция первична, а Пространная редакция вторична, «Слово» следует признать более поздним памятником, чем «Задонщина», зависимым от нее.

Рассмотрим фрагмент «Задонщины», не раз привлекавший внимание исследователей, пытавшихся доказать, что первоначально Краткая редакция памятника.

Сопоставим этот фрагмент по «Слову о полку Игореве»¹ и разным спискам «Задонщины».²

---

¹ Памятник цитируется по изданию: Слово о полку Игореве / Сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.). В двух случаях запятая заменена мной на двоеточие, а также заключена в скобки частица *ся* в слове «збися», отсутствующая в Первом издании.

² В настоящее время известно шесть списков «Задонщины»: 1) Кирилло-Белозерский список — РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086, л. 122—129 об. Сборник книгописца Ефросина. Середина 70-х гг. XV в. (далее — К-Б, в цитатах также КБ и Кб); 2) Исторический второй список (отрывок) — ГИМ, Музейское собр., № 3045, л. 70—73 об. Конец XV — начало XVI в. (далее — И-2); 3) Исторический первый список — ГИМ, Музейское собр., № 2060, л. 213—224 об. Конец XVI — начало XVII в. (далее — И-1); 4) Список Ундольского — РГБ, собр. Ундольского, № 632, л. 169 об.—193 об. Середина XVII в. (далее — У); 5) Ждановский список (отрывок) — БАН, 1.4.1, л. 30 об.—31. Вторая половина XVII в. (далее — Ж); 6) Синодальный список — ГИМ, Синодальное собр., № 790, л. 36 об.—

«Слово о полку Игореве»	Пространная редакция «Задонщины»	Краткая редакция «Задонщины»
<p>[Святослав]³ ...наступи на землю Половецкую, притопта холмы и яругы, взмути рѣки и озера (с. 50).</p> <p>...зби(ся) Дивѣ, кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемъ: Вльзѣ, и Поморию, и Посулюю, и Сурожу, и Курсуню, и тебѣ, Тьмутараканьскыи блъванъ! (с. 46).</p>	<p>Сильнии полкы съступалися вмѣсто, <i>протопта холмы и лугы, возмутися реки и озера.</i></p> <p><i>Кликнуло диво</i> в Руской земли, велит <i>послушати грознымъ землям.</i></p> <p>Шибла слава к Желѣзнымъ вратом [в У далее: къ к Араначи], к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву [в У: к ко Торнову], и отголе к Царюграду на похвалу: «Русь великая одолѣша Мамаю на полѣ Куликовѣ!» (И-1, л. 219 об.).</p>	<p>Воды возпиша, вѣсть подаваша порожнымъ землямъ: за Волгу, к Желѣзнымъ вратомъ, к Риму, до черемисы, до чяховъ, до ляховъ, до Устюга поганыхъ татаръ за Дышущеем моремъ (К-Б, л. 127).</p>

Сходно со списками Пространной редакции этот фрагмент читается в сводном Синодальном списке: «Сильныя волцы [искаженное полцы или полкы] изступишася вместо, протекоша лугы и холмы кровию, возмутишася реки и потоки, езора. Кликнула диво по всим землям руским, велит грозна послушати. Шибла слава к морю [вместо «к Риму»?] и и [вместо «и к»] Ворнавичом и к Железным вратом, ко Кафе и к турком [вместо «ко Торнову»?] и ко Царуграду, и што Русь поганых одалеша» (С, л. 39 об.). Приведу также этот фрагмент по Печатному варианту «Сказания о Мамаевом побоище», в котором он заимствован из «Задонщины», но помещен в конце «Сказания», после сообщения о возвращении Дмитрия Ивановича с победой в Москву: «Превознесся слава над поганых землею, ревут рози великаго князя по всем землям. Поиде же вѣсть по всем градом: ко Орначу, к Риму и Кафе и к Железным вратом и ко Царюграду на похвалу великому князю». ⁴ В другом списке Печатного варианта «Сказания» (из пражского Национального музея) читается такой текст: «Превознесся слава русская над поганых землею. Ревуть рози великаго князя по всѣмъ землямъ. Поиде же вѣсть по всѣмъ градомъ — ко Орначю и Крыму [вместо «к Рыму»/«к Риму»?],

42 об. XVII в. (далее — С). Список К-Б представляет Краткую редакцию, списки У, И-1, И-2, Ж — Пространную редакцию, список С является, как теперь ясно, позднейшей переработкой не дошедшей до нас Сводной редакции, объединившей чтения Краткой и Пространной редакций. Все списки изданы в сборнике: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 535—556. Далее тексты цитируются по этому изданию. При цитировании опущены круглые скобки, в которые публикатором текстов Р. П. Дмитриевой были заключены внесенные в текст выносные буквы и сокращения под титлом. В отдельных случаях мной изменена пунктуация.

³ В квадратные скобки здесь и далее заключены мои пояснения в цитатах.

⁴ Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 126.

к Кафѣ и к Желѣзнымъ вратомъ и к Царюграду на похвалу, Русь бо поганныхъ одолѣша на полѣ Куликовѣ на рѣчке на Непрядне».⁵

По моему мнению, первоначальным является текст приведенного фрагмента в Пространной редакции; точнее, текст Пространной редакции в данном фрагменте ближе к архетипу «Задонщины», к которому независимо друг от друга восходят Краткая и Пространная редакции «Задонщины». Покажу это на примере двух чтений.

И. А. А. Зимин крайне искусственно, путая при этом тексты, пытается вывести чтение Пространной редакции «кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымъ землямъ» из чтения К-Б («воды возпиша, вѣсть подаваша порожнымъ землямъ»). Выражение «воды возпиша» Краткой редакции было заменено, по Зимину, в Пространной редакции выражением «кликнуло диво». При этом исследователь считает, что самостоятельно создать этот текст автор Пространной редакции не мог, и ищет источники, из которых книжник взял эти два слова. Он пишет: «В И1 вместо „вод“ появляется фраза о „диве“, навеянная (...) Сказанием («аки некаа девица, единою възопи») и отчасти предшествующим текстом («укупимъ землямъ диво» К-Б, «учинить имамъ диво» С)».⁶ Исследователь игнорирует тот факт, что слово «диво» употреблено в Краткой редакции совсем в другом значении: нечто вызывающее удивление. Что же касается слова «возпиша», которое якобы заимствовано автором Пространной редакции из «Сказания о Мамаевом побоище», то А. А. Зимин забыл (?!), что оно читается не в Пространной, а в Краткой редакции.

А. А. Зимин не анализирует сопоставляемые фрагменты с точки зрения заключенного в них смысла. Между тем логико-смысловой анализ фрагмента приводит к выводу, что чтение К-Б «воды возпиша, вѣсть подаваша порожнымъ землямъ» вторично по отношению к чтению Пространной редакции «кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымъ землямъ», которое, в свою очередь, вторично по отношению к чтению «Слова о полку Игореве» «зби(ся) Дивь, кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ».

В «Слове о полку Игореве» упоминание Дива осмысленно. Божество стихийных сил природы, не освоенного человеком пространства, «хозяин» поля и леса (типологически его можно соотнести с Паном греческой мифологии), покровитель и символ «диких» половцев — кочевников и язычников, Див (от слова дивый, дикий) предупреждает своим кликом «землю незнаемую», чужую (места обитания половцев) о начавшемся походе Игоря Святославича, целью которого (по Лаврентьевской летописи и «Слову») было дойти до Тмутаракани, в связи с чем Див предупреждает и «Тмутараканского болвана», т. е. божество Тмутаракани, под чьей защитой она

⁵ См.: *Моисеева Г. Н.* К вопросу о датировке Задонщины: (Наблюдения над пражским списком Сказания о Мамаевом побоище) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 224.

⁶ *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 70.

находилась.⁷ Автор «Задонщины» заимствует выражение «Слова», разрушая при этом яркий и мифологически осмысленный образ Дива. В списке И-1 Пространной редакции читаем: «Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати *грознымъ* [искаженное *рознымъ*] землям». Но следом за этим говорится о славе, которая «шибла» к перечисленным далее городам на похвалу, сообщая о победе русских на поле Куликовом. Если объединить эти два сообщения, то получается, что диво кличет в Русской земле и этот клик является вестью-славой, которая распространяется по разным городам. Но что означает в этом случае слово «диво» (в У — «дивы») и почему диво распространяет весть о победе на похвалу русским воинам, да еще до того, как была одержана победа?⁸ Не знал ответа на этот вопрос и составитель К-Б, поэтому «диво» заменил на «воды», которые, по этой редакции, «возпиша», разнося весть «порожним землям», хотя водный путь от Куликова поля вел далеко не до всех перечисленных в К-Б земель. Замена в К-Б непонятного «дива» на «воды» объясняется, вероятно, тем, что перед фразой о диве в источнике К-Б читалась, как и в Пространной редакции, фраза о реках и озерах («...возмутися реки и езера»), воды которых, как полагал составитель К-Б, и «возопили».

II. Рассмотрим теперь список городов (земель), к которым шла весть о битве на Куликовом поле. Первоначальный текст этого фрагмента читается и в данном случае в Пространной редакции. Прежде чем привести доказательства этого тезиса, рассмотрим аргументацию А. А. Зимина, А. Л. Никитина и М. А. Шибаева, по мнению которых рассматриваемый фрагмент первичен в К-Б.

А. А. Зимин считал цитату из «Слова о погибели Русской земли» в списке К-Б («...до черемисы, до чяховъ, до ляховъ, до Устюга поганыхъ татаръ за Дышущем моремъ») органической частью первоначального варианта «Задонщины», аргументируя это тем, что якобы никакой книжник не стал бы «заменять Царьград „черемисой“ и опускать «рефрен» (точнее, содержание вестии): «Русь великая одолѣша Мамая на полѣ Куликовѣ».⁹ Однако этот аргумент не выдерживает критики. О том, чем была обусловлена замена списка городов составителем К-Б, скажем далее.

---

⁷ Типологически «Тмутараканского болвана» можно сопоставить с «палладием» греческой мифологии (др.-греч. *παλλάδιον*). Палладий — священная статуя-оберег, изображавшая Афину Палладу, покровительницу и защитницу греческих городов, носившую имя «градозащитницы», «защитницы града» (*Гомер*. Илиада. Песнь VI, стих 305, по любому изданию). Город, владевший палладием, считался находящимся под покровительством богини. Культ Афины-градозащитницы существовал и в Трое, где был храм Афины, в котором хранился Троянский палладий — небольшая деревянная статуя богини Афины, «упавшая с неба». Считалось, что пока палладий в Трое, она неприступна. После того как палладий был похищен греками Одисеем и Диомедом, Троя пала.

⁸ В другом месте «Задонщины» диво кличет под саблями татарскими. Это свидетельствует о «выступлении» дива «Задонщины» на стороне русских, а не половцев, в отличие от Дива в «Слове».

⁹ *Зимин А. А.* Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1. С. 88.

А. Л. Никитин, посвятивший этому фрагменту специальную статью в 2000 г., тоже пытался доказать, что текст К-Б здесь первичен, ибо в противном случае нужно будет, по его мнению, допустить, что, перерабатывая первоначальный текст, Ефросин обратился сразу к двум произведениям — «Слову о полку Игореве» и «Слову о гибели Русской земли», тогда как, по словам Никитина, нет свидетельств знакомства Ефросина с этими памятниками.¹⁰ Между тем доказательством знакомства Ефросина со «Словом о гибели Русской земли» как раз и служит цитата из него в К-Б. Использование текста «Слова о гибели Русской земли» в К-Б отражает редакторскую манеру Ефросина. Как показала Р. П. Дмитриева, «в целом ряде текстов, переписанных Ефросином, включены цитаты из других произведений».¹¹ Что же касается «Слова о полку Игореве», то оно послужило источником не Ефросину, а составителю архетипа «Задонщины», в данном случае лучше отраженного в Пространной редакции. Утверждение Никитина, что в Пространной редакции (которую он считает вторичной) перечень городов уже не связан со «Словом о полку Игореве»,¹² является недоразумением, поскольку именно списки Пространной редакции обнаруживают в данном фрагменте общие чтения со «Словом о полку Игореве» (см. сопоставительную таблицу этого фрагмента, где общие чтения «Слова» и Пространной редакции «Задонщины» выделены курсивом). В Краткой же редакции (списке К-Б) заимствованные автором «Задонщины» из «Слова о полку Игореве» фрагменты переработаны и не обнаруживают сходства с соответствующими фрагментами «Слова».

Мешает А. Л. Никитину признать текст К-Б данного фрагмента вторичным и то обстоятельство, что якобы Ефросин, перерабатывая текст Пространной редакции, не мог написать «до Устюга поганыхъ татаръ» вместо «до Устьяга, где тамо бяху тоймици погании» (так в «Слове о гибели Русской земли»), поскольку Ефросин жил сравнительно недалеко от этого Устюга.¹³ А. Л. Никитин полагал, что чтение «до Устюга поганыхъ татаръ» принадлежит автору «Задонщины», который, по мнению исследователя, об Устюге «никогда не слышал».¹⁴ Этот довод вызывает недоумение. Ведь именно Ефросин написал текст К-Б, в котором читается «до Устюга поганыхъ татаръ». И если бы Ефросин, так значительно редактировавший переписываемые им тексты, считал текст об Устюге ошибкой, он бы исправил его.

---

¹⁰ Никитин А. Л. Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 236.

¹¹ Примеры см.: Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 286—287.

¹² Никитин задается вопросом о том, когда и почему первоначальный (по его мнению) перечень списка К-Б потребовалось заменить другим, «уже не связанным ни со „Словом о полку Игореве“, ни со „Словом о гибели...“» (Никитин А. Л. Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины». С. 234).

¹³ Там же. С. 236.

¹⁴ Там же. С. 234.

Вероятно, составитель Краткой редакции был уроженцем Северной Руси, например, новгородцем,¹⁵ и сознательно назвал жителей Устюга в переносном смысле «татарами», уподобив воинственных устюжан,¹⁶ досаждавших новгородцам и жителям других северных земель, татарам.¹⁷ Подсказало ему это отождествление, очевидно, определение «поганые» (язычники, нехристи), в «Слове о погибели Русской земли» относящееся к тоймичам («тоймици погани»), а в «Задонщине» употребляемое по отношению к татарам.

Косвенным доказательством того, что Ефросин употребил слово «татары» по отношению к жителям Устюга не как этноним, служит свидетельство, приведенное Е. Г. Водолазкин: «Говоря [в Палее] о Самсоне, вместо „изби 1000 мужъ“ Ефросин пишет „изби (...) 1000 мужъ татаръ“, вместо „избра собѣ жену от иноплемьньникъ“ — „избра себѣ жену от татаръ“ (л. 320 об.). Очевидно, этноним „татары“ в глазах книжника соответствовал „иноплеменникам“».¹⁸

М. А. Шибаев также считает первичным список городов и земель в К-Б, приводя в качестве доказательства один довод: «В У и И-1 упоминание моря рядом с Кафой выглядит нелогично, ибо слава могла распространиться к Кафе, скорее, не по морю, а по суше, куда и бежал согласно Задонщине же Мамай».¹⁹ Как будет показано далее, упоминание моря рядом с Кафой более чем логично.

Приведу текстологические свидетельства вторичности списка земель в К-Б по отношению к списку городов в Пространной редакции.

---

¹⁵ По мнению А. Г. Боброва, о новгородском прошлом Ефросина свидетельствует наличие «новгородизма» — цоканья в его самой ранней записи, датированной 1463 г., на рукописи К-Б 53/1130. На л. 155 об. он записал: «В лѣто 6971 июля 18 в понедельник, дню часъ 9, *кончяхъ* Апокалипис». См.: Бобров А. Г. Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священноинок Ефросина Белозерского: (Опыт реконструкции) // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 109. К сожалению, одного этого примера недостаточно, чтобы уверенно говорить о новгородском происхождении Ефросина.

¹⁶ Подчеркну, что в «Слове о погибели Русской земли» говорится не об устюжанах, а о тоймичах (финское языческое племя), живших севернее Устюга, по берегам Верхней и Нижней Тоймы (притоки Северной Двины).

¹⁷ В конце XIV в. Устюг входит в состав Московского княжества. В XIV—XV вв. город стал активным участником противоборства Москвы и Новгорода. Вклиниваясь на северо-востоке во владения новгородцев, Устюг немало досаждал им, ибо располагался при слиянии рек Сухоны, Юга, Северной Двины, Вычегды — главных торговых путей Русского Севера, и контролировал этот важнейший речной узел, мешая свободному проходу новгородцев из верховьев Сухоны в Двинские земли (древнее Заволочье). Во второй половине XV в. устюжские полки, собирая под власть Москвы северные земли, совершили не менее 15 походов, в том числе против колоний Новгорода. Таким образом, в середине 70-х гг. XV в., когда была создана Краткая редакция «Задонщины», новгородец или уроженец другой северной земли вполне мог назвать их в переносном смысле «татарами». Этим «противником» устюжан вполне мог быть Ефросин Белозерский, перу которого принадлежит список К-Б.

¹⁸ См. статью Е. Г. Водолазкина «Из истории кирилло-белозерских палей» в настоящем сборнике (с. 300). Благодарю Евгения Германовича, поделившегося со мной этим наблюдением до выхода его статьи в свет.

¹⁹ Шибаев М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 45—46. Курсив мой.

1. В К-Б список земель составлен с привлечением фрагмента из «Слова о погибели Русской земли», где читается: «Отсельъ до угорьъ и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от нѣмецъ до корѣлы, от корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоймици погании (и) за Дышючимъ моремъ»;²⁰ от моря до болгарь, от болгарь до буртась, от буртась до чермисъ, от чермисъ до морьдвы, — то все покороно было Богомъ крестияньскому языку...»²¹ Если вслед за А. А. Зиминым считать список К-Б первичным по отношению к спискам Пространной редакции, то нужно будет признать, что, редактируя текст К-Б, составитель Пространной редакции опознал цитату из «Слова о погибели Русской земли» и по какой-то причине «вырезал» ее, что представляется маловероятным.

2. На вторичность текста К-Б указывает словосочетание «порожнымъ землямъ»: «Воды возпиша, вѣсть подаваша порожнымъ землямъ...»²² «Порожными», т. е. пустыми, свободными землями никак нельзя было назвать земли чехов, ляхов, черемисы, Рима, Устьяга и др. Нельзя согласиться с А. Л. Никитиным, который считал слово «порожнымъ» К-Б первичным, толкуя это как «реминисценцию» «земли незнаемой» из «Слова о полку Игореве»,²³ поскольку это два разных по значению выражения. «Земля незнаемая» — чужая, неизведанная, «порожные земли» — пустые, незанятые, никому не принадлежащие. Слово «порожнымъ» в К-Б — это искаженное («по разнымъ»), которое читалось в архетипе «Задонщины», ведь в К-Б, как и в списках Пространной редакции, речь идет о разных землях, которые далее перечисляются. Отметим, что чтение И-1 в соответствующем фрагменте —

---

²⁰ В списках «Слова о погибели Русской земли» после слова «погании» стоит союз «и», но он появился, вероятно, ошибочно из лишнего «и» в слове «погании». Совершенно очевидно, что здесь имеются в виду «тоймици погании», живущие в районе Устьяга, расположенного за «Дышущим» морем («Дышущим» Белое море называли из-за приливов и отливов), на что указывает творительный падеж с предлогом «за» словосочетания «за Дышючимъ моремъ». Дополнительным свидетельством того, что в архетипе «Слова о погибели Русской земли» союза «и» не было, служит его отсутствие в цитате из этого памятника в К-Б. Поэтому следует признать ошибочным выделение как самостоятельного топонима «Дышущее море» в «Слове о погибели Русской земли» и в «Задонщине». Публикуя текст К-Б, Р. П. Дмитриева разделила запятой топонимы «Устюгъ» и «Дышущее море»: «...до Устьяга поганыхъ татаръ, за дышущем моремъ» («Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 550). Ю. К. Бегунов уже прямо пишет, вставляя союз «и» в цитату из «Задонщины», что «воды» распространили весть о битве «...к Устюгу (поганых Татар) вместо «Тоймичей») и „за Дышущее море“, т. е. за Северный Ледовитый океан» (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 137).

²¹ Слово о погибели Русской земли / Подгот. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // ПЛДР: XIII в. М., 1981. С. 130. В публикации после слова «погании» перед союзом «и» стоит запятая.

²² В большинстве публикаций слово «порожнымъ» пишется отдельно, осмысляемое в значении «по разным». Однако словари не отмечают прилагательного «рожный». Вероятно, Ефросин или его предшественник понял слово «по разнымъ» (по разным) в значении «порожнымъ» (незанятым, свободным; см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1991. Вып. 17. С. 124) и передал его в иной форме — через «ж» — «порожнымъ».

²³ Никитин А. Л. Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины». С. 234.

«грозынымъ землямъ» (в У нет) — это тоже искаженное «рознымъ землямъ», т. е. разным. В С видим дальнейшее переосмысление чтения И-1: «Кликнула диво по всем землям русским, велит *грозна* послушати».

3. К-Б, как и все остальные списки «Задонщины», используя до вставки из «Слова о погибели Русской земли» предлог «к» («к Железнымъ вратомъ, к Риму»), в тексте вставки употребляет, вслед за «Словом о погибели Русской земли», предлог «до». ²⁴ Это говорит о том, что вставка из «Слова о погибели Русской земли» в К-Б неорганична тексту, что текст К-Б, составленный на основе двух источников — архетипа «Задонщины» и «Слова о погибели Русской земли», — недостаточно умело отредактирован, что выдает его вторичность.

4. Механически заимствуя текст из «Слова о погибели Русской земли», составитель К-Б допускает ошибку, связанную с Устюгом. Весть о сражении на Дону расходится, согласно К-Б, от Куликова поля. В таком случае на ее пути к Устюгу нет «Дышущего» (Белого) моря, оно расположено далее к северу. Ошибка объясняется механическим заимствованием в К-Б выражения «до Устьюга... за Дышючимъ моремъ» из «Слова о погибели Русской земли», где граничившие с Русью земли называются от запада к северу: «Отселъ до угоръ и до *ляховъ, до чаховъ*, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от нѣмецъ до корѣлы, *от корѣлы до Устьюга*, гдѣ тамо бяху тоймици погании... *за Дышючимъ моремъ...*» Как видим, здесь Устюг упомянут после корелы, отдельные группы которой в XII—XIV вв. расселились севернее Карелии и Приладожья, в том числе на побережье Белого моря, в устье Северной Двины. Таким образом, на пути с севера на юг Устюг действительно оказывается за «Дышущим» (Белым) морем, на пути же с юга на север (от Куликова поля к Устюгу) Белое море оказывается далее Устюга, севернее его. Составитель Краткой редакции «Задонщины», заимствовав из «Слова о погибели Русской земли» выражение «до Устьюга (...) за Дышючимъ моремъ», не обратил внимания на то, что из-за употребления заимствованного выражения в новом контексте возникла ошибка.

5. Вторичность текста К-Б проявляется и в том, что в отличие от Пространной редакции в нем нет единого стержня, который бы скреплял все перечисленные топонимы. Вслед за архетипом «Задонщины» названы Железные врата и Рим, находящиеся далеко за пределами Русской земли, остальные топонимы заимствованы из «Слова о погибели Русской земли», где перечислены земли, граничившие с Русью в XIII в. ²⁵ Однако в XV в., когда создавался список К-Б, не все из этих земель были за пределами Русской

---

²⁴ Этот аргумент уже приводили оппоненты А. А. Зимины. См.: *Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О.* По поводу статьи А. А. Зимины «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“» // Русская литература. 1967. № 1. С. 110.

²⁵ Перечисление народов в «Слове о погибели Русской земли» отражает политическую обстановку 20—30-х гг. XIII в. (см. об этом: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 118—120).

земли, пограничными с ней. Устюг, например, еще в конце XIV в. вошел в состав Московского княжества. При этом перечисленные города и земли упоминаются в К-Б без какой-либо последовательности: к Железным воротам на Каспийском море (отдаленный восточный пункт), к Риму (отдаленный западный пункт), до черемисы (марийцы, один из древних финно-угорских народов Среднего Поволжья), до чехов, до ляхов (западные соседи Руси), до Устюга (на севере). Как видим, утверждение А. А. Зимина, что весть, по К-Б, «распространялась (...) с востока на запад, т. е. так же, как в Житии князя Дмитрия («от востока и до запада хвално бысть имя его»)»,²⁶ — не соответствует действительности. «Набор земель» в К-Б случаен и, будучи заимствованным из разных источников разного времени, не представляет собой органичного, объединенного авторским замыслом текста. В Пространной же редакции «Задонщины», напротив, в перечислении городов виден авторский замысел.

По поводу того, что объединяет перечисленные города в Пространной редакции «Задонщины», высказаны разные точки зрения. Но ни одна из них не является убедительной.

По мнению Г. Н. Моисеевой, «автор Задонщины осмысленно назвал географические пункты: Орнач, Железные ворота (Дербент) были восточными пунктами владений Золотой Орды, Крым и Кафа — западными. Смысл заключительной похвалы Руси и был именно в том, что известие о победе московского великого князя Дмитрия Ивановича дошло до „опорных“ пунктов владений Золотой Орды эпохи ее могущества».²⁷ Г. Н. Моисеева не учла при этом, что весть шла в «Задонщине» от Кафы до Тырнова, Рима и Царьграда, т. е. гораздо далее границ Золотой Орды.

В. А. Кучкин не рассматривает весь список городов. Он говорит лишь об Ургенче как одном из крупнейших среднеазиатских городов, через который проходил транзитный торговый путь из Европы в Индию и Китай, и делает вывод, что «упоминать Орнач (Ургенч) в качестве одного из крупнейших городов известного ему [автору «Задонщины»] и его читателям европейского и азиатского мира, которого достигла слава о победе русских на Куликовом поле, после 1388 г. [год разрушения Ургенча] уже не имело смысла».²⁸

А. Л. Никитин, возражая В. А. Кучкину, пишет: «...подобно своим предшественникам, В. А. Кучкин обошел молчанием причину упоминания в этом ряду остальных городов, заставляя предполагать в них, как в Орначе/Ургенче, крупные торговые центры Средневековья, для которых это известие [о Куликовской битве и победе в ней русских] могло представлять определенный интерес. На самом деле это не соответствует действительности,

²⁶ *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. С. 68.

²⁷ *Моисеева Г. Н.* К вопросу о датировке Задонщины. С. 225.

²⁸ *Кучкин В. А.* К датировке Задонщины // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 118.

поскольку ни Рим (в Италии), ни Тырново (в Болгарии) не только в конце XIV в., но и вообще когда-либо такой роли не играли».²⁹

Сам А. Л. Никитин, пытаясь разобраться, чем обусловлен первоначальный список городов и земель, а также когда и почему его потребовалось заменить другим, высказывает мысль, что первоначально автором «Задонщины» была заимствована из «Слова о полку Игореве» сама идея «вести», «только теперь уже [в первоначальном тексте «Задонщины», отраженном якобы в К-Б] вести о победе, адресованной всем тем „порожным землям“, которые испытали последствия поражения от поганых».³⁰ Перечень же городов в поздней (по мнению Никитина) Пространной редакции объединяет в сознании автора то, что «все они были захвачены иноземными (иноверными) завоевателями, что в ряде случаев привело к их гибели».³¹

А. Л. Никитин полагает, что первоначальный список городов, отраженный, по его мнению, в К-Б, был заменен в Пространной редакции в конце XV в., и вот почему: «В конце XV в., когда Москва смогла освободиться от ордынской зависимости и впервые обратилась к сюжетам своего исторического прошлого, ее книжникам вполне естественно было вспомнить о тех, кто также попал под иго „агарян и измаилтян“, поэтому „слава“ (весть) о победе на Куликовом поле над общим врагом „православия“, по мысли редактора, должна была вселить в них надежду на освобождение. И надо сказать, что для болгар и греков, т. е. для обитателей Тырново и Царьграда, такая надежда на протяжении четырех столетий была неизменно связана с Россией».³² Редактура первоначального текста была проведена в Пространной «Задонщине», по мнению А. Л. Никитина, после брака Ивана III с Софьей Фоминичной Палеолог (он состоялся в ноябре 1472 г.), когда Москва становилась «третьим и последним Римом православия».³³

Гипотеза А. Л. Никитина, на мой взгляд, не может быть принята. Во-первых, исследователь никак не обосновал свою мысль о том, что в К-Б весть адресована тем землям, «которые испытали последствия поражения от поганых». Во-вторых, неубедительны доказательства того, что все упомянутые в Пространной редакции города «были захвачены иноземными (иноверными) завоевателями». Чтобы список городов, перечисленных в Пространной редакции, отвечал выдвинутой гипотезе, Никитин вынужден был предположить, что под Римом имеется в виду город Римов Переяславского княжества, пострадавший (согласно летописи и «Слову о полку Игореве») в 1185 г. от половцев.³⁴ По убеждению Никитина, Рим в данном контексте мог попасть в «Задонщину» только из «Слова о полку Игореве», «при

²⁹ *Никитин А. Л.* Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины», С. 232.

³⁰ Там же. С. 234.

³¹ Там же. С. 237.

³² Там же. С. 237.

³³ Там же. С. 237—238.

³⁴ Там же. С. 234.

этом совершенно неважно, насколько для автора „Задонщины“ оказывался реален этот Римов/Рим, ибо используемый им текст в новом произведении обретал такую же „виртуальную реальность“, какой для его современников была вся Священная история, совершавшаяся одновременно как в прошлом, так и „здесь и сейчас“». ³⁵ «Виртуальной реальностью» является, очевидно, для Никитина и город Железные врата, поскольку исследователь полагает, что автор «Задонщины» ошибочно осмыслил как топоним словосочетание «железные ворота» из «Слова о погибели Русской земли» («угры твердыху каменные города желѣзными вороты»). ³⁶ Все эти «виртуальности», созданные лишь игрой воображения исследователя, нужны ему для того, чтобы «подогнать» список городов под свою гипотезу.

Полемизируя с В. А. Кучкиным, А. Л. Никитин пишет: «Как известно, любое заключение в отношении ряда компонентов, сделанное на основе истолкования одного из них, должно соответствовать всем остальным». ³⁷ Однако, предлагая свою гипотезу, исследователь забывает об этом своем заявлении. По его словам, «менее всего приходится сомневаться в той идее, которая оказалась заложена еще в первой [по Никитину, Краткой] редакции „Задонщины“ при сообщении „победных реляций“ землям, испытавшим все ужасы иноплеменного нашествия — надежды на освобождение от ига „измаилтян“». ³⁸ Но сомневался в своей идее, по-видимому, сам Никитин, поскольку пишет: «*Можно спорить об актуальности упоминания Рима/Римова, Орнача/Ургенча и Железных ворот/Дербента* для читателя и слушателя „Задонщины“, но никак не о Тырнове и Царьграде, с которыми теснейшим образом была связана русская Церковь, и не о Кафе, с которой велась интенсивная торговля Москвы и других русских княжеств». ³⁹ Кроме того, если весть о победе на Куликовом поле над общим врагом православия должна была, по мысли Никитина, вселить в тех, кто попал под иго «агарян и измаилтян», надежду на освобождение, то неясно, с какой целью упомянуты в этом случае Орнач/Ургенч и Железные врата/Дербент, которые к тому же не попадали под иго, а были опустошены в результате нашествия Тамерлана.

Что же объединяет города, перечисленные в Пространной редакции «Задонщины»?

По моему мнению, упомянутые здесь города представляют собой важные пункты на торговых путях Московского государства как на южном, европейском, так и на восточном, азиатском, направлении. ⁴⁰ Разумеется, этими путями пользовались не только купцы.

---

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 232.

³⁸ Там же. С. 237.

³⁹ Там же. Курсив мой.

⁴⁰ В XIV—XV вв. выделяется несколько основных направлений внешней торговли Московского государства: 1) южное, донское направление. Торговали русские купцы по реке Дону

Город Железные врата (современный Дербент) был расположен в одном из самых топографически удобных мест знаменитого восточного, Прикаспийского пути, связывавшего в XIV в. Восточную Европу и Переднюю Азию. Средневековый Дербент — это крупнейший порт на Каспии, важнейший центр международной транзитной торговли Востока и Запада, Севера и Юга. Он поддерживал тесные торговые связи со многими областями и городами Ближнего и Среднего Востока, Восточной Европы. Сюда прибывали торговые караваны и корабли из Хазарии, Руси, Волжской Булгарии, Джурджана, Хорасана, Хорезма, Индии и т. д. Город неоднократно подвергался набегам и разорению со стороны Золотой Орды. В 1395—1396 гг. он снова был опустошен, на сей раз войсками Тамерлана. В конце XIV в. Дербентом овладевает Ширванхан, правитель Ширвана, господство которого над городом длилось более ста лет.

Название следующего города в списках Пространной редакции «Задонщины» искажено: в У читается — «къ Караначи» (или «къ к Араначи»), в С — «к Ворнавичом». В Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище», в котором список городов заимствован из «Задонщины», читается правильное название города — Орнач. Исследователи высказывали разные точки зрения по поводу того, какой город назван Орначем: по мнению одних — Азов в устье Дона,⁴¹ по мнению других — Ургенч.⁴² В настоящее время можно считать этот вопрос решенным.

Во-первых, Г. Н. Моисеева отождествила Орнач с Органса (Organsa) карты Фра Мауро середины XV в. По своему положению (на восток от Каспийского моря и к юго-востоку от Аральского моря) и названию город Органса на карте Фра Мауро соответствует городу Ургенчу восточных источников.⁴³ Венецианский картограф Фра Мауро на составленной им в 1459 г. карте мира в районе Нижнего Поволжья и Подонья рядом с названием «Organsa» (Ургенч в итальянской транскрипции) нарисовал

с генуэзскими колониями, расположенными на побережье Азовского и Черного морей. Наиболее крупными колониями были Кафа (Феодосия) и Сурож (Судак) в Крыму. Отсюда русские купцы попадали в Константинополь и другие средиземноморские города; 2) *восточное, волжское направление*, по которому Русь торговала с Золотой Ордой, Бухарой, кавказскими княжествами; 3) *западное направление*. Это был путь, связывавший Москву с Новгородом. Однако западное направление московской торговли в XIV в. было относительно слабо развито. Приоритет в торговле с Западом сохранялся за Новгородом (См.: *Бутенко В. А.* 1) Краткий обзор истории русской торговли. СПб., 1911; 2) Краткий очерк истории русской торговли // *Гермес: Торговля и реклама: Сборник.* СПб., 1994. С. 232—234).

⁴¹ Со ссылкой на сообщение Платона Карпини (см. о нем далее) Орнач отождествляли с Азовом И. М. Снегирев (см.: *Русский исторический сборник.* 1838. Т. 3. С. 68, примеч. 2), В. П. Адрианова-Перетц (см.: *ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 215*), а также (без обоснования) Ю. К. Бегунов (*Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 137). Это отождествление предлагали ранее историки И. Э. Тунман, Н. М. Карамзин, А. А. Куник.

⁴² С древним Ургенчем Орнач отождествляли в указанных работах Г. Н. Моисеева, В. А. Кучкин и А. Л. Никитин. Это отождествление предложил еще в первой половине XIX в. историк-востоковед академик Х. Д. Френ.

⁴³ *Моисеева Г. Н.* К вопросу о датировке Задонщины. С. 224—227.

надгробие и приписал: «Sepulcrum real»⁴⁴ (город к тому времени был уже разрушен).

Во-вторых, Орнач, упоминаемый в русских летописях,⁴⁵ Г. Н. Моисеева и В. А. Кучкин также отождествляют с Ургенчем. Сообщение Никоновской летописи о разрушении Тимуром/Тамерланом (в летописи «Темирор», «Темир-Аксаком») Орнача⁴⁶ соответствует сообщению восточного источника о разрушении Тимуром Ургенча во время войны против Тохтамыша. По свидетельству Шереф-ад-дина Йезди, заняв Ургенч, Тимур отдал приказ переселить всех жителей в Самарканд, а город сровнять с землей и на его месте посеять ячмень.⁴⁷ На основании сопоставления известия Никоновской летописи и свидетельства Шереф-ад-дина Йезди о разрушении Орнача/Ургенча, В. А. Кучкин датирует падение города концом февраля 1388 г.⁴⁸ После разрушения Тамерланом город уже не оправился, хотя попытки его восстановления имели место и в 1391 г. (был восстановлен один квартал), и много позже. В XVII в. город прекратил существование: в связи с изменением русла Амударьи жители переселились в современный Ургенч (до 1929 г. — Янги-Ургенч, т. е. Новый Ургенч), ныне административный центр Хорезмской области Узбекистана. Рядом с древним Ургенчем позже возникло поселение (с 1986 г. город), названное Куня-Ургенч (Старый Ургенч).⁴⁹

---

⁴⁴ Так читается на карте в прорисовке Ф. Ф. Чекалина. На карте в издании Сантарема читается «Sepultura real». См.: http://saray-batu.narod.ru/maps/fra_mauro.htm.

⁴⁵ В Московском летописном своде конца XV в. Орнач упоминается по случаю чумы 1346 г.: «...того же лета казнь бысть от Бога на люди подо восточную страну, на город Орнач и на Хазьторокань и на Сарай и на Бездеж и на прочие грады» (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 175). Еще раз Орнач («Арначи») упоминается в Никоновской летописи под 1395 г. (в «Повести о Темир-Аксаке»), где перечисляются города, завоеванные Тимуром («Темирор») (ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 159). Эти указания Г. Н. Моисеевой (*Моисеева Г. Н.* К вопросу о датировке Задонщины. С. 220—239) В. А. Кучкин дополнил упоминаниями Орнача в Троицкой летописи (известны по выписке из нее Н. М. Карамзина): не только в «Повести о Темир-Аксаке», но и в летописных статьях 1358 г. и 1387/88 г. (*Кучкин В. А.* К датировке Задонщины. С. 120, примеч. 31).

⁴⁶ Никоновская летопись отмечает, что «царь Аксакъ Темиръ, пришедъ, взялъ Арначь у Тахтамыша царя Воложежаго» (ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 93). Никоновская летопись датирует это событие 6895 (1387) г.

⁴⁷ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2: Извлечение из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 155. Шереф-ад-дин Йезди (ум. в 1454 г.), давший в «Книге побед» самую полную историю завоеваний Тимура, датирует падение Ургенча 790 г. хиджры, что, по указанию В. А. Кучкина, соответствует периоду 11/1 1388 — 30/XII 1388 г.

⁴⁸ См.: *Кучкин В. А.* К датировке Задонщины. С. 118.

⁴⁹ Куня-Ургенч находится на самом севере Туркменистана, в 105 км северо-западнее Дашогуза и в 480 км к северу от Ашхабада. К южной окраине города примыкают развалины древнего Ургенча, ныне это Государственный историко-культурный музей-заповедник, он создан в 1985 г. и занимает площадь около 640 гектаров. Здесь стоят несколько великолепных архитектурных памятников прошлого (в том числе — самый высокий в Средней Азии минарет) и рядовые постройки: как отдельные здания, так и крепостные стены, или валы, а также большое количество нераскопанных вехолмлений, скрывающих фундаменты разрушенных дворцов,

В-третьих, Джованни дель Пано Карпини, итальянский францисканец, посетивший в 1246 г. Монгольскую империю и оставивший описание своего путешествия, упоминает город Орнас (Оронас), затопленный Батыем.⁵⁰ Отождествить Орнас/Орнач, затопленный Батыем, с Ургенчем позволяют сведения, приведенные в работе востоковеда академика В. В. Бартольда. Он пишет: «Опустошение Хорезма монголами в 1221 г. и разрушение плотин совершенно изменили течение Амударьи. О нескольких городах и селениях левого берега говорится, что они были затоплены водой; такой же участи подверглась столица области, Гургандж [Ургенч].⁵¹ Из слов Якута [арабский географ и писатель Якут аль-Хамави, ум. в 1229 г.], бывшего здесь незадолго до разрушения города монголами, мы знаем, что плотина Гурганджа требовала ежегодного ремонта; таким образом, после разрушения города и истребления жителей река должна была прорвать ее. По рассказу Ибн аль-Асира [арабский историк, умер в начале 1230-х гг.], монголы сами разрушили плотину, после чего „вода хлынула и затопила весь город; строения разрушились, и место их заняла вода“».⁵²

Орнач/Ургенч, столица древнего Хорезма, оазис, располагавшийся в нижнем течении реки Окс (Амударьи), южнее Аральского моря, был в XIV в. одним из крупнейших среднеазиатских городов, через который пролегал транзитный торговый путь из Европы в Китай и Индию.⁵³

мавзолеев, мечетей, медресе, караван-сараяв. О раскопках на территории заповедника см.: Юсуфов Х. Сердце древнего Хорезма. Ашхабад, 1993.

⁵⁰ Пано Карпини пишет: «Пошли они [монголы] также против города, который именуется Оронас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было много христиан, именно хазар (Gazari), русских, аланов и других, а также сарацин [хорезмийцев]. Сарацинам же принадлежала и власть над городом. А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая (...) впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие сарацины имели в нем огромный рынок. И так как они [монголы] не могли одолеть его иначе, то перекопали реку, которая текла через город, и потопили его с имуществом и людьми» (*Плано Карпини Дж. дель. История монгалов*. М., 1997. С. 51). Пояснения в квадратных скобках принадлежат публикаторам «Истории монгалов».

⁵¹ Древний топоним Гургандж имел первоначальный смысл «город гургенов», «Гургенград» и претерпел следующую эволюцию: Гурганджирд — Гургандж — Ургенч (Ургенчем стали именовать Гургандж монголы и турки) (*Атаниязов С. О происхождении названия Куна-Ургенч // Памятники Туркменистана*. 1980. № 2. С. 29).

⁵² Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века // Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. М., 1965. Т. 3. Гл. 3. С. 50 (впервые издано отд. изд. в Ташкенте в 1902 г.). В том, что под Оронасом следует понимать Ургенч, современные комментаторы Карпини единодушны. См.: Средневековые письменные источники о древнем Ургенче / Под ред. М. Айдогдыева. Ашхабад, 2000. Предисловие.

⁵³ Этот торговый путь из Европы в Азию получил развитие со времени хана Узбека (1312—1340). Из Азака/Таны (Азова) ехали до столицы Золотой Орды Сарая-Берке (на Ахтубе в районе Волгограда), из Сарая до Сарайчика на реке Яик (Урал) в его нижнем течении (в 50 км выше г. Атырау в устье Урала), отсюда в Ургенч. Далее путь пролегал до Отрара (у слияния Арыси с Сырдарьей) или Бухары и отсюда в Китай или же южнее, через горную систему Гиндукуш в Индию и в Хорасан. В. В. Бартольд пишет, что наиболее подробные данные об этом торговом пути (точнее, его варианте) дает Бальдуччи Пеголотти, находившийся на службе у флорентийской компании Барди и написавший свое руководство для купцов около 1340 г.: «Пеголотти считает от Таны до Хаджи-Тархана (Астрахани; старый город, разру-

Все остальные города, перечисленные в Пространной редакции, представляют собой ключевые пункты на южном, донском торговом пути Русского государства. Этот путь шел по Дону к торговой фактории генуэзцев в устье Дона — Тана/Азову,⁵⁴ оттуда *по морю* в крымскую факторию генуэзцев Кафу (Феодосию),⁵⁵ далее к Тырново в Болгарии,⁵⁶ Царьграду/Константинополю и Риму. На то, что названные города символизируют определенный путь, по которому идет слава, указывают слова «по морю» («к Кафы по морю») и «оттоле» («оттоле к Царюграду»).

В связи с этим приобретает особое значение сообщение «Сказания о Мамаевом побоище» о том, что Дмитрий Иванович взял с собой в поход гостей-сурожан:⁵⁷ «Князь же великий поя с собою десять мужь гостей московских

шенный Тимуром в 1395 г., находился несколько западнее нынешнего) 25 дней в арбах, запряженных волами, или 10—12 дней езды на лошадях; отсюда до Сарая — 1 день водой, от Сарая до Сарайчика — 8 дней, также водой; можно ехать и сухим путем, но это обходится дороже. От Сарайчика до Ургенча — 20 дней в арбах, запряженных верблюдами; от Ургенча до Отрара — 35-40 дней, тем же способом» (*Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века. С. 59). Этот торговым путем пользовались как европейские, так и мусульманские купцы. Однако во время походов против Золотой Орды в 1389—1395 гг. Тимур/Тамерлан практически стер с лица земли все торговые города Прикаспия и Причерноморья, а также столицу Золотой Орды Сарай-Берке, и караванные пути, проходившие через ее территорию, перестали функционировать.

⁵⁴ В средневековых восточных документах Азов именовался Азак, в европейских — Тана. Перейдя в XIII в. к генуэзцам, Азак/Тана стал перевалочно-складским пунктом для их восточной торговли. Генуэзцы укрепили его каменными стенами и башнями. В XIV—XV вв. город был крупным торговым центром, где сходились пути из Китая, Индии, Ирана, Закавказья, Золотой Орды. Через Азак/Тану проходил путь Русского государства в Византию и Средиземноморье. В 1395 г. Тимур/Тамерлан во время борьбы с Тохтамышем овладел Азовом и срыл его до основания. Генуэзцы в 1400 г. восстановили его, но уже далеко не в прежнем виде. В 1471 г. город был взят турками, торговля в Азове после этого пришла в упадок.

⁵⁵ Античная Феодосия (в переводе с греч. «Богом данная», «Дар богов») пала в IV в. н. э. во время нашествия гуннов. В последующие столетия жизнь здесь едва теплилась. В 1239 г. Крым захватили татаро-монголы. Во второй половине XIII в. генуэзские купцы приобрели у татарского хана Оран-Тимура участок побережья Феодосийской бухты и на месте древнего города эллинов основали факторию под названием Кафа (Каффа). Опасаясь набегов татар, они обнесли город мощными каменными стенами со множеством башен, руины которых можно видеть и сегодня. В течение двух столетий Кафа являлась основным торговым портом в Северном Причерноморье, важнейшим пунктом торговли между Западом и Востоком. В июне 1475 г. Кафа была захвачена турками. Кефе (так турки называли Кафу) стал одним из главных турецких портов на Черном море, здесь находился крупнейший в Северном Причерноморье невольничий рынок. После присоединения Крыма к России город стал носить свое первоначальное имя — Феодосия (по документам — с февраля 1784 г.).

⁵⁶ Город Тырново (в настоящее время Велико-Тырново) с XII в. был столицей Второго Болгарского царства, во второй половине XIV в. — столицей Тырново-ского царства, одним из крупнейших государственных и церковных центров Средневековья. В 1393 г. город Тырново был захвачен турецким султаном Баязидом и разгромлен, Тырново-ское царство прекратило свое существование. Город Тырново мог быть упомянут в «Задонщине» в списке городов и как расположенный в стратегически важном пункте — на пересечении нескольких дорог, и как важный центр духовной жизни, с которым у Руси были тесные культурные связи (южнославянские монастыри, в том числе в Тырнове, оказывали влияние на развитие книжности на Руси).

⁵⁷ Среди высшего разряда московского купечества с середины XIV в. выделялась особо корпорация «гостей-сурожан». Их именование произошло от крымского города, который на Руси называли Сурожем (ныне Судак) (византийцы именовали его Сугдея, а итальянцы Сол-

сурожанъ видиниа ради, аще [что] Богъ случить ему, имуть повѣдати в дал-ных землях...)»⁵⁸ Именно это сообщение «Сказания» преобразовал автор «Задонщины» поэтически и иносказательно в список городов, по которым вместе с гостями-сурожанами шла весть о победе русских в Куликовской битве и на восток и на запад.⁵⁹

Вероятно, первоначальный порядок городов был таким: к Орначу, к Железным вратам, к Кафе по морю и к Тырнову, оттуда к Царьграду и Риму. Орнач, вероятно, упоминался первым (так в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище») как самый восточный из упомянутых городов, Рим же, как самый западный из упомянутых городов, скорее всего, упоминался в авторском тексте последним, а затем был переставлен в начало ряда.⁶⁰

Итак, упомянутые в Пространной редакции города представляют собой важные пункты на путях из Руси в Азию и Европу. Начиная путь из Азака/Таны в устье Дона (в районе которого проходила Куликовская битва), московские гости-сурожане распространили, по мысли автора «Задонщины», «славу» о Куликовской битве и в направлении востока, Азии (к крупным транзитным торговым центрам — Железным вратам/Дербенту и Орначу/Ургенчу), и в направлении запада, Европы (через Кафу — торговую факторию генуэзцев в Крмыу — к Тырнову, к Царьграду/Константинополю и Риму).

Сказанное автором «Задонщины» не было преувеличением. Весть о разгроме Мамаея действительно достигла дальних пределов. Без сомнения, о победе стало известно в Константинополе, с которым в это время у Руси были постоянные связи.⁶¹ Более того, весть об этой битве дошла до Каира,

---

даля). Это была византийская колония, которую в начале XIII в. оккупировали венецианцы, а в середине XIV в. захватили генуэзцы и превратили в богатейший торговый пункт, ставший средоточием мировых торговых путей. Возведенная генуэзцами в Судак в период с 1371 по 1469 г. крепость с двумя сохранившимися ярусами обороны и сегодня поражает воображение. Гостями-сурожанами москвичи называли как своих, русских, так и иностранных купцов (армян, греков, итальянцев). Через Сурож и Кафу они торговали с Византией, Италией, Османской империей. Черное море одно время именовалось Сурожским. Сурожским именовали и весь Крымский полуостров. В XV в. слово «сурожанин» почти выходит из употребления и заменяется термином «кафинец» или «кафеанин», так как центром торговли в Крмыу стал город Кафа (*Хачикян Л. С.* Гости-сурожане в русских летописях и «Сказании о Мамаевом побоище» // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 333—357). См. также: *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935. Торговали гости-сурожане и с Востоком.

⁵⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского) // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 157.

⁵⁹ По моему мнению, «Сказание о Мамаевом побоище» написано ранее «Задонщины», обоснование этого тезиса будет дано в другой статье.

⁶⁰ По всей видимости, уже на раннем этапе истории текста христианский, но католический Рим (находившийся на морском пути генуэзских купцов из Крмыа в Геную) был переставлен из конца ряда в начало, чтобы выделить как конечную цель «славы» на южном пути один Царьград, связанный с Русью церковными и политическими узами. В результате перестановки Рим оказался перед Кафой, в связи с чем была нарушена географическая последовательность упоминания городов.

⁶¹ См. об этом: *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

расположенного в 1500 км к югу от Константинополя, где о разгроме Мамаия написал в своем трактате выдающийся арабский историк Ибн Халдун (1332—1406).⁶² Об этом событии писал и виднейший персидский историк конца XIV — начала XV в. Низам-ад-дин Шами в городе Ширазе, расположенном в 1500 км к югу от Ургенча (путь к нему мог пролегать и через Железные врата).⁶³ Дошла весть и до Германии. Две современные событиям немецкие хроники — Дитмара Любекского и Иоганна фон Позильге — сообщили под 1380 г. о «великой битве» между русскими и татарами и о победе в ней русских. По словам Н. М. Карамзина, «купцы ганзейские, в 1381 году имевшие съезд в Любеке, могли привезти туда вести из Новгорода, с ними союзного».⁶⁴ А хронист Дитмар как раз и писал свою хронику в германском Любеке, крупнейшем центре Ганзейского союза.

В списке К-Б (Краткой редакции) рассматриваемый фрагмент существенно переработан. Исходя из своего осмысления Куликовской битвы, Ефросин изменяет текст, в первоначальной редакции повествовавший о славе, похвале князьям, которая «шибла» на восток и на запад. А. А. Зимин, А. Л. Никитин и Ю. К. Бегунов полагают, что как в Пространной редакции, так и в Краткой распространяется *слава*, весть *о победе* русских над татарами.⁶⁵ Между тем мотив славы присутствует только в Пространной редакции. Здесь именно *слава* «шибла» к перечисленным городам, весть именно о победе в битве распространяется «на похвалу»: «Русь великая одолѣша Мамаия на полѣ Куликовѣ!». Автор же К-Б подчеркивает лишь кровавый характер этой битвы. Какая весть подается согласно К-Б? Это весть вовсе не о победе над Мамаем, а о кровопролитном сражении, о том, что «поля костми насѣяны, кровьми полиано».⁶⁶ Именно об этом «возпиша» воды.

Изменен в К-Б и первоначальный список городов, к которым шла весть о Куликовской битве.

По мнению Ю. К. Бегунова, составитель Кирилло-Белозерского списка «Задонщины», воспользовавшись отдельными выражениями из «Сло-

---

⁶² *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 389.

⁶³ Там же. Т. 2. С. 109.

⁶⁴ *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1993. Т. 5. С. 248—249 (примеч. 81 к первой главе). Это тем более вероятно, что на данном съезде как раз обсуждался целый ряд вопросов, непосредственно относящихся к Новгороду. См.: *Азбелев С. Н.* Новгородцы и Куликовская битва // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 146.

⁶⁵ По мнению А. А. Зимина, «битва кончилась, по К-Б, посылкой радостной вести „по рожнымъ землям“ о победе и плачем вдов» (*Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. С. 68). По словам А. Л. Никитина, «реализация идеи славы остается неизменной» и в Пространной редакции, которую он считает вторичной по отношению к Краткой (*Никитин А. Л.* Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины». С. 234). Цитату из работы Ю. К. Бегунова см. далее в тексте.

⁶⁶ В К-Б опущен фрагмент, читающийся далее в Пространной редакции и рисующий ожесточенность сражения: «Сильнии полкы съступалися вмѣсто, протопташа холми и лугы, возмутися реки и езера» (И-1, л. 219 об.).

ва о гибели Русской земли», «*расширил* территорию распространения славы о битве русских с татарами, достигнув тем самым впечатляющего эффекта». ⁶⁷ Но, как остроумно, хотя и неточно, заметил А. А. Зимин, «остается непонятным, как можно достигнуть „впечатляющего эффекта“ (...) заменив Царьград, Кафу и Тырноу — мордвой, черемисой и карелой». ⁶⁸

Что же побудило Ефросина изменить список городов, перечисленных в первоначальной редакции, и заменить Царьград «черемисой», что казалось А. А. Зимину невозможным? Можно предположить, что причиной этому было падение Царьграда в 1453 г.

С одной стороны, стоит согласиться с тем, что определять время создания «Задонщины» исходя из даты, когда были захвачены перечисленные в рассматриваемом фрагменте города, — либо как *terminus ante quem*, либо как *terminus post quem*, ⁶⁹ — методически неверно. Автор «Задонщины», когда бы он ни создавал свое произведение, пишет о событиях 1380 г., ⁷⁰ когда, по его замыслу, весть о победе русских в Куликовской битве распространяли по торговым путям гости-сурожане. И все же, думается, вряд ли автор «Задонщины» направил бы славу к Царьграду после его захвата турками в 1453 г. Ведь слава «шибла» в Царьград на похвалу Руси. А после 1453 г. такая похвала, направленная к Царьграду, выглядела бы двусмысленно. Слишком болезненным было для Руси падение Царьграда, центра православия, чтобы его не учитывать. Поэтому есть основание думать, что «Задонщина» была создана до 1453 г. Ефросин же, редактируя памятник в конце 1474 или в самом начале 1475 г., исключил упоминание захваченного турками за два десятилетия до этого Царьграда и расположенных на пути к нему Кафы и Тырноу. ⁷¹ Он оставил в тексте только Железные врата

⁶⁷ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о гибели Русской земли». С. 137.

⁶⁸ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 69, примеч. 369. Уточним, что мордва и карела, упомянутые в «Слове о гибели Русской земли», в К-Б не упоминаются.

⁶⁹ Согласно одной точке зрения, «Задонщина» была создана до падения городов — Тырноу в 1393 г. (см.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947. С. 202) и Орнача/Ургенча в 1388 г. (см.: Кучкин В. А. К датировке Задонщины. С. 113—121), поскольку направлять к ним весть о победе русских «на похвалу» после захвата этих городов турками не было смысла. А. Л. Никитин же полагал, что Пространная редакция «Задонщины» (которую он считал вторичной, как и содержащийся в ней список городов) создана после падения захваченных турками Царьграда (1453 г.) и Кафы (1475 г.), надежду на освобождение которых якобы подавала победа русских в Куликовской битве (см.: Никитин А. Л. Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины». С. 237—239).

⁷⁰ Эту мысль высказал ранее Я. С. Лурье, который писал, что упоминание в «Задонщине» городов Тырноу и Орнача не свидетельствует о создании памятника в XIV в. Автор знал об уничтожении Ургенча Тимуром в 1388 г. и о завоевании в 1393 г. турками Второго Болгарского царства с его столицей Тырноу, но тем не менее ясно представлял, что в год Куликовской битвы эти города были важными политическими центрами, жители которых непременно должны были узнать о победе московского князя на берегах Дона и Непрядвы. См.: Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. СПб., 1994. С. 27.

⁷¹ По предположению Ю. К. Бегунова, эти города опущены в К-Б именно потому, что Тырноу, Царьград и Кафа были захвачены турками к концу XV в. (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о гибели Русской земли». С. 137).

и Рим⁷² как символы отдаленных географических пунктов в юго-восточном и юго-западном направлении и ввел дополнительно к ним названия пограничных с Русью стран из «Слова о погибели Русской земли»: «до черемисы, до чяховъ, до ляховъ, до Устюга...». Как видим, первоначальная идея пути, по которому распространяли весть-славу купцы-сурожане, в К-Б оказалась утраченной. Здесь весть о битве разносится, скорее, «во все стороны».

Текстологическое сопоставление списка городов (земель) в Краткой и Пространной редакциях «Задонщины» приводит к выводу о первичности рассматриваемого фрагмента в Пространной редакции, в данном случае лучше отражающей текст архетипа памятника, в который было включено заимствование из «Слова о полку Игореве».⁷³

---

⁷² Орнач в К-Б также отсутствует; вероятно, Ефросин знал о его разрушении. Возможно, однако, Орнач отсутствовал уже в протографе К-Б, его нет и в И-1.

⁷³ Доказательства того, что Пространная и Краткая редакция «Задонщины» независимо друг от друга восходят к общему архетипу, причем Краткая редакция содержит много вторичных чтений по отношению к чтениям Пространной редакции, см. в статье: *Соколова Л. В.* Первоначальна ли Краткая редакция «Задонщины»? (По поводу новейших работ о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. СПб., 2013. Т. 62. С. 673—724.